

ЗАМЕТКИ ЛИТЕРАТУРОВЕДА

Сибирский писатель у истоков советской литературы

Книга известного сибирского критика Владимира Яранцева «Зазубрин» вышла в 2012 году, но ни литературно-критический, ни читательский отзыв на неё не утратил актуальности: с течением времени лишь углубляется ощущение того, что она входит в филологический оборот надолго, инициировав появление новых исследований по истории сибирской литературы и во многом послужив для них добротным материалом.

Этот большого формата том объемом в 750 страниц посвящён исследованию творческой деятельности талантливого писателя, критика, организатора литературной жизни Сибири Владимира Яковлевича Зазубрина (1895—1937) сопровожден двумя подзаголовками: «Человек, который написал «Щепку» и «Повесть — исследование из времён, не столь отдалённых». Названная так же лаконично, как обычно называют книги, выходящие в широко известной серии «ЖЗЛ», она в соответствии с подзаголовком по жанру существенно отличается от них, представляя собой не беллетристику биографии «замечательной личности», а именно историко-литературное исследование, где портрет известной личности важен столь же, как и картина эпохи, ставшей поприщем её деятельности. Примечательную особенность книги В. Яранцева составляет то, что важные в обосновании личностной характеристики В. Зазубрина эти «времена не столь отдалённые» утрачивают значение исторического фона, а обретают самоценное значение.

Воссозданный в книге образ эпохи впечатляет и предрасполагает читателя к глубокому размышлению, не исключая и философского извода — о месте человека в истории, значении личной воли в выборе жизненного пути, о роли, как выразился Пушкин, человеческого «самостоянья». В сущности, весь XX век прошёл под знаком торжества утопического сознания. Русская утопия перелома веков от XIX-го к XX-му приобрела невиданные ранее масштабы надежд на преобразование всего земного мира. Путь опробования принципно новых форм жизнеустройства с упованием на возможность их повторения в мировой практике лежал исключительно через революцию. Аподиктичность, т.е. недопустимость сомнений в правоте революции на целые десятилетия предстала как господствующая идеология, когда неперменным условием возникновения нового являлось разрушение вековых форм национального бытия — от религии, морали, быта до сложившихся способов хозяйствования, по принципу «...до основанья, а затем...»

Как натура художественная, экспансивная, склонная к романтически-авантюриным поворотам судьбы, Зазубрин и по складу личности, и по характеру жизненных установок, как точный пазл, вписался в картину наступившего времени, совпал с ним по многим значимым параметрам, и для осмысления проблемы «человек в революции» предоставлял тем самым материал в высшей степени убедительности.

Повествование В. Яранцева оставляет стойкое ощущение пройденности жизненного пути героя самим автором, непосредственно прямого проникновения в мир его мыслей, чувств, переживаний и исканий, что не может не сказаться на характере читательской рецепции. Имея дело со сложнейшим, исполненным острыми противоречиями материалом весьма приоткрыто сложившейся биографии Зазубрина, автор, при всей глубине своих симпатий, даже любви к герою, не приукрашивает истину, не скрывает роковых его заблуждений и ошибок, скорее объясняет и оправдывает их особыми обстоятельствами, старательно избегая при этом их упрощенно-прямолинейного толкования.

Так было в случае увлечения юного подпольщика, тогда ещё носившего фамилию Зубцова, нечаевщины. «Тогда, в 1910 году, — объясняет В. Яранцев, — когда ещё не пахло большими революциями, гражданской войной, фашизмом и сталинизмом, Нецаев с его «Катехизисом революционера» казался необыкновенно новым, настоящим героем, суперменом... Можно представить, как, конечно же, читавший эти строки «Катехизиса» примерял на себе облик безжалостного и жестокого революционера-робота. Не обходит автор и таких острых углов биографии Зазубрина, как кратковременный период службы в колчаковской армии, когда «в июне 1919 года на выпускнике Иркутского военного училища появились золотые погоны подпоручика», считая, что в ходе революции отнюдь далеко не всё поддается строго логическому объяснению, а многое восходит к проявлению тех тёмно-инфернальных сил,

развязываемых большими историческими играми, невольной пешкой («щепкой») которой становится отдельный человек, иногда глубоко мыслящий и одарённый.

В. Яранцев справедливо ссылается на «колчаковство», пройденное сибирским литератором, «блестящим прозаиком, поэтом, газетчиком» Г. Вяткиным, но в действительности этот ряд прирастает именами и таких столпов советской литературы как Л. Леонов и М. Булгаков, в свое время примеривших «золотые погоны подпоручика колчаковской армии» и всю оставшуюся жизнь тщательно скрывавших этот факт своей биографии от бдительного ока советских органов. Отмеченную утопизмом эпоху отличало многообразие «случаев» верного служения Революции, в случае же с Зазубриным исследователь обнажает глубокую драму духовного раздвоения советского писателя, принявшего Революцию без раздумий и колебаний, но по мере вглядывания в живую опыт жизни, её неопровержимую реальность, наполнявшегося мучительными сомнениями в бесплодности избранного пути к равенству, свободе и братству.

В литературе XX века Владимир Зазубрин — фигура яркая и во многом знаковая. Он явился автором первого в советской литературе романа о революции и вообще первого советского романа «Два мира» (1921 г.), в самом заглавии его точно выразив смысл эпохального конфликта. Задачей романа состояла в том, чтобы показать и доказать историческую правоту красных, но непримиримое к неправде перо выдавало глубину авторских метаний, и в фигуре мятущегося офицера Барановского уже явно проглядывали автобиографические черты писателя.

Не питая иллюзий относительно начитанности современного человека, В. Яранцев буквально по главам воспроизводит содержание романа, наглядно убеждая в реальности душевного раздвоения писателя, от главы к главе показывающего в своём романе как происходит эскалация классово-непримиримости, как жестокость одних рождает жажду отомщения у других, а в ответ следует ещё более непримиримый акт возмездия, и так до бесконечности, когда реальность оборачивается уже торжеством дикой, слепой стихии, не поддающейся воздействию разума. Только при жизни писателя изданный 12 раз, роман оказал видимое воздействие на эстетику молодой советской литературы, отдавая щедрую дань живописанию, а иногда и смакованию натуралистических деталей казней, расстрелов, пыток... «Самая, пожалуй, страшная сцена романа: — пишет Яранцев, — поедание воронами детских мозгов (тёплые, «как сейчас с плиты»). Боишься за автора, его психику. Появляется слово «зазубринки» — это ущербинки на клюве «чугунной птицы», а в литературу входит писатель Зазубрин, сразу при появлении романа получивший широкую известность.

В подзаголовке к книге В. Яранцев позиционирует своего героя как «человека, который написал «Щепку», тем самым акцентируя внимание на особом месте и роли этого произведения не только в творческой и жизненной судьбе самого писателя, но и в литературной жизни времени, наступившего после победы одного из миров. Повесть «Щепка» (1923 г.) и тогда, да и сегодня, воспринимается как знак бесстрашия творческого поведения писателя, знак того самого «безумства храбрых», которое действительно достойно славы и памяти. «Щепкой» Зазубрин вторгся в строго табуированное пространство советской действительности, ту запретную сферу деятельности советских органов, посягнувшие на художественное воспроизведение которых заведомо грозило автору опасностью для жизни: писатель осмелился — ни более, ни менее, как на воссоздание будней высшего органа карательной власти страны — ЧК, нарисовав такие картины текуще-повседневной жизнедеятельности чекистов, которые затмевали леденящую кровь читателей готические романы ужасов.

Только в отличие от этих романов в основе лежал не вымысел, а суровая необходимость отвечать на реальные вопросы времени: всё ли дозволено во имя торжества Революции, и не «откажется ли будущее человечество от «счастья», на крови людской созданного?» И как боялся современный критик В. Яранцев за психику своего героя — писателя Зазубрина, воспроизводящего запредельную жестокость борьбы двух миров, так не выдерживает испытание ужасами красного террора, практические осуществляемого в чекистских застенках, главный герой «Щепки» — председатель губернской ЧК

Срубов, и в сумасшедшем бреду всё ещё пытающийся найти оправдание Революции: «И израненная, окровавленная своей и вражьей кровью... оборванная, в серо-красных лохмотьях, во вшивой грубой рубахе, крепко стояла Она босыми ногами на великой равнине, смотрела на мир зоркими гневными глазами».

Повесть «Щепка» была представлена в «Сибирские огни», но при жизни писателя в печати не появилась, увидев свет в этом журнале лишь с наступлением гласности (1982, № 2), зато острой занозой вошла в писательскую душу, незримо отзываясь в каждом из последующих его произведений. Той же, что и «Щепка», остротой социального зрения в сочетании с неотступным бесстрашием в обнажении социальных пороков, порождаемых ходом революционных преобразований, отмечены рассказы «Бледная правда» и «Общежитие» (1923 г.), хотя и опубликованные в «Сибирских огнях», но вызвавшие шквал непримиримо-обличительной критики и последующих за ней партийных проработок, оргвыводов и настоящей травли.

Особенно непримиримым оказалось восприятие «Общежития»: оно отпугивало неистовых ревнителей партийной чистоты литературы не только натуралистической обнаженностью эстетики, но и остротой подтекста, символической заглавной образа, пророческими совпадениями вымысла и реальности: общежитие партийных работников, в тесноте и неустрашенности быта поголовно зараженных сифилисом, невольно ассоциировалось с болезнью и смертью Ленина, прогнозом путей социального развития.

И в последнем произведении — романе «Горы» (1933 г.), посвященном коллективизации в Горном Алтае, писателя не оставляют сомнения в правоте революционных методов строительства новой жизни. Роман даёт почувствовать тягу писателя к фундаментальным вопросам бытия, привлекает накалом публицистической мысли о текущем времени, удивляет всё тем же бесстрашием в обнажении социальных конфликтов современности, и что особенно обращает внимание, с подкупающей полнотой и убедительностью проявляется в нем сибирский колорит повествования. И надо отдать должное автору книги, сумевшему приблизить современного читателя к восприятию специфических реалий ушедшего времени, драматическую остроту творческих исканий писателя, чья неподкупная совесть, честность, искренность постоянно испытывались опасностью политического преследования, ареста, гибели.

Столь же обстоятельно, как и творческий путь, проследивает В. Яранцев организаторскую деятельность В. Зазубрина по собиранию писательских сил Сибири, раскрывая его роль в создании Союза сибирских писателей, проведению писательского съезда сибиряков, укреплению позиций «Сибирских огней» как главного журнала огромного края, соперничающего по своей значимости со столичной «Красной новью», возникшей всего лишь за год до своего сибирского собрата и возглавляемой тогда А. Воронским. Не случаен ревниво-соревновательный взгляд В. Зазубрина, постоянно обращенный в сторону «Красной нови», приманивавшей сибиряков своей столичностью, возможностью выйти на более широкий круг читателей. Там рядом с Есениным печатали стихи И. Ерошина, увидели свет произведения Вс. Иванова, В. Шишкова... Правда, и столичные писатели не пренебрегли «Сибирскими огнями»: там одно за другим появились произведения Р. Фраермана, сначала «На мысу», потом повести «Васька-гиляк» и «Афанасий Олешек», вместо произведений уехавшей Сейфуллиной появился «Золотой клюв» Анны Каравановой.

Советская литература начала 20-х годов, преемственно связанная с широкой художественно-эстетическими исканиями Серебряного века, до определенной степени не утратила ещё свободы самовыражения, но по мере избывания десятилетия ситуация стремительно изменялась: неотступно приближалось время острой литературной борьбы, в литературе набирали силу С. Родов, Г. Лелевин, Н. Чужак — пропагандисты и агитаторы классовой чистоты искусства, торжества инкубаторской, по единому плану выстроенной эстетики. Зазубрин возглавил «Сибирские огни» и писательскую организацию сибиряков в то роковое время, когда становление новой литературы происходило в непростом преодолении уклонов в ложное новаторство, когда литературу захлестнуло неумённое социологизирование, когда к руководству литературным движением прорвались такие

беспредельщики как А. Курс и возглавленное им «Настоящее», литературное объединение открыто экстремистского типа. В. Яранцев скрупулёзно проследивает ту ситуацию драматической безысходности, в которой оказался Зазубрин: «Как соблюсти меру «терпимости» к писательской индивидуальности и «воспитания в духе»? В тиски непреодолимых противоречий его загоняла всё та же логика аподиктичности в отношении к революции, всё та же личностная раздвоенность: несовместимость стремления одновременно сохранять верность и пролетарской идеологии, и чистоте традиций классической литературы».

В ожесточении идеологических схваток вспомнили Зазубрину и старые литературные грехи — и неопубликованную «Щепку», и опубликованные «Бледную правду» и «Общежитие». Давали о себе знать и «неудобные» для такого рода схваток черты характера: открытость, бескомпромиссность, граничащая с прямолинейностью, невладение дипломатией подковерной борьбы. Смещённый с руководящих постов, исключённый из партии, Зазубрин уезжает в Москву, но та репрессивная машина, выразительный образ которой он создал в «Щепке», по законам какого-то тёмного пророчества настигает его и здесь. В 1937 году он был арестован и через два дня после ареста расстрелян.

Повествование В. Яранцева развивает тему по принципу сообщающихся сосудов: как в зеркале времени проступает полнота творческого и человеческого облика В. Зазубрина, так личность и биография его проливают свет на эпоху. Глубокое проникновение в живые реалии времени, свободное оперирование историческим материалом, опора на неизвестные документы относятся к несомненным достоинствам книги. На поверхность подныты, по-новому освещены и осмыслены целые пласты прошлой литературной жизни, огромное число забытых писательских имен и произведений, просто интересных и любопытных фактов. Безусловно заслуживает внимания галерея женских лиц в литературе Сибири, имена ныне забытых писательниц, в свое время активных участниц литературного процесса — О. Руновой, Н. Изонги, Н. Чертовой и др. При этом привлекает многообразие поворотов в освещении литературной эпохи — от сравнительных параллелей (Зазубрин — Пильняк, Зазубрин — Замятин, Алексей Толстой — Анна Караванова...) до характера взаимоотношений писателя с отдельными политическими и литературными деятелями, например, дружбы-вражды В. Зазубрина с В. Итиным или далеко не простого общения Зазубрина с Горьким.

Как ни странно, главный, на наш взгляд, недостаток книги вытекает из её достоинств: стремление исследователя как можно глубже проникнуться миром чувств и мыслей писателя оборачивается иногда подменой его творческого сознания собственными чувствами и мыслями, что создаёт временами у читателя неловкое ощущение опасного перехода сближающих границ к элементарному панибратству, придаёт повествованию чуждую ему тональность. Вот несколько примеров: «Сибирякам нет дела до московских разногласий, битв и дряг. Мы осибирячим и тех, и других, — думал, возможно, Зазубрин, готовя номера юбилейного года» (с. 376). «Нет, думаю, наверное, с грустью Зазубрин, никогда, видно, не понять сибирского писателя — столичному. Разве что Горькому» (с. 529). «Так, возможно, думал Зазубрин, когда писал 9 марта 1928 г. из Новосибирска об «отросшей бороде Достоевского у Горького — автора книги «Рассказы 1922—1924 гг.» (с. 621). Примеры перехода трезво-объективного анализа историко-литературного процесса к допущениям, догадкам, домыслам и додумыванию, книга В. Яранцева предоставляет в избытке, подтверждая подозрение, что именно это и служит автору достоянием основанием считать её текст «сплавом и литературоведения, и биографизма с элементами художественного повествования».

Думается, что недостаток этот исправим. Хочется надеяться, что изданный сегодня на чрезвычайно малом тираже (200 экз.!) этот бесспорно ценный и интересный труд явится пробным камнем для создания книги, достойной широкой читательской аудитории, какой удостоены бывают книги, например, серии «ЖЗЛ». Зазубрин, вне всякого сомнения, был человеком поистине замечательным!

Л.П. Якимова, главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН, д.ф.н.